E 8
516

О ЗНАЧЕНІИ

СВОДА ЗАКОНОВЪ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

для

НАУКИ и ЖИЗНИ.

(Рѣчь Товарища Предсѣдателя *М. В. Шимановскаго*, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи 11-го Февраля 1889 года, посвященномъ памяти графа М. М. Сперанскаго).

9245

Одесса.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТИПОГРАФІЯ (Б. ОДЕССКАГО ВѢСТНИКА)
Почтовая улица, домъ Фельдмана, № 43-й.
1889.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
769490

Печатано по постановленію Совѣта Одесскаго Юридическаго Общества.

Товарищъ Предсѣдателя *М. В. Шимановскій.*

О значеніи Свода Законовъ Россійской Имперіи для науки и жизни.

(Рѣчь Товарища Предсѣдателя *М. В. Шимановскаго*, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи 11 Февраля 1889 г., посвященномъ памяти графа М. М. Сперанскаго).

Въ Петербургѣ на площади противъ Исаакіевскаго Собора, этого историческаго памятника русскаго искуства, стоитъ памятникъ Императору Николаю I. На одномъ изъ барельефовъ изображена комната, по срединѣ ея стоитъ столъ, на которомъ разложены книги. Столъ окружаютъ знатныя лица, а на первомъ планѣ къ зрителямъ изображенъ Императоръ Николай, надѣвающій снятую съ себя Андреевскую звѣзду на мужчину высокаго роста съ типичнымъ лицомъ во фракѣ. Такъ отблагодарилъ Николай I, въ присутствіи членовъ Государственнаго Совѣта, Сперанскаго за составленіе Свода и Полнаго Собранія Законовъ. Этимъ барельефомъ увѣковѣченъ достопамятный эпизодъ, имѣвшій мѣсто 19 Января 1833 г.*). Если потомство, созидая памятникъ Императору Николаю I, сочло нужнымъ изобразить вышеописанный фактъ, то это уже одно говоритъ многое о томъ значеніи, которое нужно придавать и которое дѣйствительно придавали современники появленію Свода Законовъ. Изданіе Свода это одинъ изъ лавровъ вѣнка Императора Николая I.

---

*) *Баронъ Корфъ*, «Жизнь Графа Сперанскаго», т. II, стр. 319.

Если это такъ, то велика заслуга и того, который исполнилъ эту волю Императора. Вы слыхали сейчасъ, Мм. Гг., о томъ, кто былъ Сперанскій, слыхали также и о томъ, что такое Сводъ Законовъ. Я позволю себѣ представить Вамъ *очеркъ значенія Свода Законовъ для нашей жизни*, что онъ намъ далъ и чѣмъ мы нынѣ пользуемся. Вы слыхали, сколько усилій и трудностей нужно было превозмочь, чтобы достигнуть желаемаго. «Счастливый выборъ Сперанскаго, говоритъ *Лонгиновъ**), болѣе всего содѣйствовалъ успѣху этого громаднаго труда, исполнившаго съ необыкновенною энергіей, безъ которой и блестящія дарованія не достигаютъ своей цѣли». Только энергія такого человѣка какъ Сперанскій могла дать такіе блестящіе результаты. Онъ самъ составлялъ объяснительныя записки, указывалъ начала и систему, по которымъ Сводъ долженъ былъ составляться, онъ даже заранѣе указывалъ, въ какой постепенности нужно вести работу, онъ опредѣлялъ и время. Нужное для того, чтобы исполнить имъ задуманное **). То, что не удавалось въ теченіе 126 лѣтъ, совершено въ какихъ нибудь семь лѣтъ***). Эта энергія да послужитъ примѣромъ и многимъ нашимъ нынѣ дѣйствующимъ коммисіямъ, какъ нужно работать и какъ можно творить великое, хорошо и скоро исполнять волю Монарха!... Созданный въ

---

*) *М. Н. Лонгиновъ.* «Графъ Сперанскій». Русск. Вѣст. 1859 г., Октябрь, кн. II, стр. 571.

**) *Бычковъ.* «Къ 50-ти лѣтію II-го Отдѣленію». Русск. Старина. Февраль, 1876 г., стр. 440.

***) «Менѣе чѣмъ въ четыре года были собраны изъ всевозможнымъ вѣдомствъ и архивовъ реестры и узаконенія разнаго рода, сличены и провѣрены тексты и напечатаны въ числѣ 30920 нумеровъ, въ 45 томахъ, in 4°, съ приложеніемъ штатовъ, табелей, рисунковъ и указателей хронологическихъ и алфавитныхъ, дѣлающихъ это драгоцѣнное собраніе одною изъ удобнѣйшихъ для употребленія книгъ». *М. Н. Лонгиновъ.* «Графъ Сперанскій». Русск. Вѣст. 1859 г., Октябрь, кн. II, стр. 571.

1832 г. Сводъ Законовъ большинствомъ юристовъ практиковъ того времени былъ встрѣченъ сочувственно. Большинство ученыхъ того времени, смотрѣвшіе тогда на Сводъ подъ угломъ ему современныхъ обстоятельствъ, когда онъ появился, а не чрезъ призму предвзятыхъ убѣжденій, выработанныхъ подъ условіями нашихъ современныхъ воззрѣній и началъ западно-европейскихъ народовъ, и они видѣли въ Сводѣ важное пріобрѣтеніе нашего законодательства*).

Сводъ, какъ твореніе рукъ человѣческихъ, не былъ совершенъ. Это понятно само собою, но тѣмъ не менѣе заслуга его передъ русскимъ народомъ велика. Только съ изданіемъ Свода народъ узналъ такъ или иначе, что такое законъ, гдѣ его начало и гдѣ его конецъ.

Важное значеніе Полнаго Собранія Законовъ для науки признается почти всѣми изслѣдователями нашего права**); равно признаютъ и то, что съ этого времени изученіе русскаго права получило свою силу и значеніе и новое направленіе.

Императоръ Николай, взявъ подъ свое непосредственное покровительство дѣло кодификаціи нашего законодательства и остановившись на Сперанскомъ, какъ лицѣ,

---

*) Мое сообщеніе «О проектѣ Гражданскаго Уложенія» Приложеніе № 22 Протоколовъ Юридическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ.

**) «Полное собраніе, говоритъ проф. *Романовичъ-Славатинскій*, — такой богатый архивъ данныхъ для изученія не только исторіи нашего права, но и всѣхъ нашихъ соціальныхъ отношеній, что безъ него не можетъ шагу ступить ни юристъ, ни историкъ». Государственная дѣятельность Графа Михаила Михайловича Сперанскаго, Кіевъ, 1873 г., стр. 33. «Полное собраніе законовъ, говоритъ проф. *Романовичъ Славатинскій* въ другомъ своемъ трудѣ, заключаетъ въ себѣ интереснѣйшія данныя для историческаго изученія всѣхъ частей нашего права, начиная съ половины 17 столѣтія». Пособіе для изученія русскаго Государственнаго права, Кіевъ, 1872 г., вып. I, стр. 14.

«Это важнѣйшій памятникъ русскаго законодательства говоритъ *Малышевъ*—Курсъ общаго гражд. права, Соб. 1878 г., т. I, стр.5 1.

которому вполнѣ довѣрилъ *это* дѣло, хорошо сознавалъ, что безъ людей ему обойтись нельзя, что такъ или иначе они нужны будутъ или какъ помощники Сперанскаго въ его работѣ, или какъ руководители и наставники будущаго поколѣнія, и вотъ еще въ 1828 г. формируется экспедиція изъ пяти молодыхъ людей *), которыхъ посылаютъ заграницу учиться подъ руководствомъ извѣстнаго тогда ученаго юриста Савиньи. Уже этотъ выборъ руководителя будущимъ преподавателямъ законовѣдѣнія обнаруживаетъ, замѣчаетъ *Станиславскій*, ясное желаніе правительства дать этой наукѣ направленіе *историческое* **). Этому направленію, какъ заявляютъ почти всѣ изслѣдователи нашего права, въ особенности способствовали изданные Императоромъ Николаемъ Сводъ Законовъ и Полное Собраніе Законовъ. «Въ настоящее царствованіе преподаваніе законовъ, говоритъ *Неволинъ* ***), получило обновленную жизнь и съ тѣмъ вмѣстѣ историческая метода ихъ изученія пріобрѣла все должное уваженіе. Со времени изданія Полнаго Собранія и Свода Законовъ Россійской Имперіи представился богатѣйшій матеріалъ для построенія непрерывной и достовѣрной исторіи законодательства. Профессорскія мѣста въ Университетахъ были замѣщены молодыми людьми, изучившими, подъ руководствомъ главы исторической школы законовѣдѣнія, всю ея методу».

Появленіе изъ заграницы въ 1834 году еще новыхъ молодыхъ людей, отправленныхъ въ количествѣ 20 ****), не

---

*) То были: Константинъ Неволинъ, Василій Знаменскій, Алексѣй Благовѣщенскій, Савва Богородскій и Сергѣй Орнатскій.

**) *Станиславскій*, «О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи и результатахъ современнаго его направленія». 1853 г., стр. 53.

***) «Исторія Россійскихъ Законовъ», т. III, стр. 35, изд. 1857 г.

****) Это были: Я. И. и С. И. Баршевы, Н. И. Крыловъ, А. А. Федотовъ-Чеховскій, И. В. Платоновъ, А. Куницынъ, А. И. Краних-фельдъ, И. А. Ивановскій, *П. Г. Рѣдкинъ (еще живъ)*, П. Д. Калмыковъ, А. И. Палюмбецкій, Н. Д. Иванишевъ, В. Н Лешковъ, Ѳ. Г. Юшковъ, А. С. Жиряевъ, Л И. Мейеръ, Е. Г Осокинъ, П. П. Пилявкевичъ, Ѳ. Тутковскій и И. М. Вигура.

могло не вызвать увеличенія въ Университетахъ каѳедръ законовѣдѣнія. Сначала это увеличеніе было сдѣлано во вновь учрежденномъ Университетѣ св. Владиміра, а потомъ и во всѣхъ другихъ русскихъ Университетахъ въ силу ихъ преобразованія по Уставу 1835 г. «Слѣдствіемъ всего этого было то, что *историческая метода* сдѣлалась у насъ господствующею въ университетскомъ преподаваніи законовъ. Если не во всѣхъ еще Университетахъ полная исторія русскаго законодательства составляетъ предметъ особыхъ уроковъ, то по крайней мѣрѣ вездѣ догматическое изложеніе каждой части законодательства соединяется съ исторіею образованія ея, и притомъ или этой послѣдней посвящается отдѣльный рядъ лекцій, или она и законы дѣйствующіе предлагаются на однѣхъ и тѣхъ же лекціяхъ: по каждому отдѣльному предмету, входящему въ извѣстную часть законодательства, предлагается одно за другимъ — и исторія и законы дѣйствующіе; иногда при этомъ исторія предшествуетъ догматическому изложенію, иногда слѣдуетъ за нимъ»*).

«Не трудно отгадать, говоритъ другой ученый **), каково было направленіе законовѣдѣнія со времени преобразованія Университетовъ, и въ особенности съ 1835 г. На опредѣленіе его должны были имѣть вліяніе: съ одной стороны то, что въ основаніе Свода дѣйствующихъ Законовъ Россійской Имперіи положено Полное Собраніе Законовъ, представляющее ихъ въ постепенномъ, историческомъ развитіи; съ другой — несомнѣнное желаніе правительства утвердить науку отечественнаго права на прочномъ фундаментѣ, построенномъ *изъ историческаго матеріала*». Давъ такое направленіе научному образованію, Импера-

---

*) *Неволинъ*, «Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ», т. III, стр. 35.

**) *Станиславскій*, «О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи», стр. 59.

торъ Николай стремился всѣми силами распространять всюду преподаваніе законовѣдѣнія; этимъ и объясняется, что не только въ заведеніяхъ равныхъ Университету было введено преподаваніе законовъ, но повѣлено было преподавать законовѣдѣніе въ гимназіяхъ, въ благородномъ пансіонѣ при Псковской и Тульской гимназіяхъ, въ реальномъ курсѣ при Архангельской гимназіи, при училищѣ канцелярскихъ служителей, въ еврейскихъ училищахъ 2-го разряда, въ Тифлисскомъ мусульманскомъ училищѣ Аліева и многихъ другихъ *). И все это преподаваніе имѣло въ основаніи своемъ Сводъ Законовъ и Полное Собраніе, такъ какъ съ изданіемъ того и другаго все предшествующее потеряло свою важность и значеніе.

Историческій методъ, сдѣлавшійся тогда въ наукѣ и преподаваніи направленіемъ господствующимъ, однако не исключалъ и догматическаго изученія права. «Напротивъ, историческое изученіе было**) всегда поставляемо какъ надежнѣйшее средство къ познанію догмы нынѣ дѣйствующаго законодательства».

Расширеніе программы преподаванія юридическихъ наукъ въ Университетахъ, а равно и то направленіе, которое проникло въ преподаваніе законовѣдѣнія, не могло не отразиться прежде всего на приливѣ молодыхъ силъ на юридическіе факультеты, а равно и на появленіи трудовъ, посвященныхъ разработкѣ отечественнаго права. Съ особымъ уваженіемъ и чувствомъ благодарности отнеслись современные ученые къ труду *Неволина*—Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ. «Никогда еще, говоритъ *Станиславскій*, въ русской юридической литературѣ не было подобнаго явленія, никогда ученые юристы не были обрадованы столь драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ»...

---

*) *Неволинъ* «Исторія Россійск. Гражд. Законовъ», стр. 37 и 38, примѣчаніе.

**) *Станиславскій*, «О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи», стр. 60.

Трудъ этотъ оцѣненъ по достоинству Императорскою Академіею Наукъ и увѣнчанъ присужденіемъ автору полной Демидовской преміи. «Но самая высокая награда сочинителя состоитъ, безъ сомнѣнія, во внутреннемъ его сознаніи: что онъ трудился для науки не безъ пользы, что принесъ на жертвенникъ ея даръ вполнѣ достойный и что такимъ образомъ онъ справедливо заслужилъ уваженіе современниковъ и благодарность позднѣйшихъ поколѣній. Да! честь и слава знаменитому ученому, столь щедро дарящему насъ сокровищами своего знанія! Искреннее уваженіе тому, кто, воспользовавшись и природнымъ талантомъ и средствами, правительствомъ доставленными для его развитія, такъ благородно заплатилъ своей отчизнѣ за ея материнскія объ немъ попеченія»!*).

Такъ отзывался профессоръ *Станиславскій* въ рѣчи своей, произнесенной въ торжественномъ собраніи Казанскаго Университета 8 Іюня 1853 года. Оканчивая свою рѣчь «О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи и о результатахъ современнаго его направленія», Станиславскій говоритъ: «Позвольте мнѣ, въ заключеніе, высказать отрадную надежду—лучше сказать, убѣжденіе: что русское законовѣдѣніе, ставъ *уже твердою ногою на исторической—народной почвѣ*, пойдетъ быстрыми и вѣрными шагами по пути своего дальнѣйшаго развитія, и процвѣтетъ величественно, какъ развилась и процвѣла Русская Держава, подъ отеческимъ правленіемъ Августѣйшаго нашего Законодателя»**). Эти убѣжденія и надежды ученаго не остались неоправдавшимися. Мысль русскаго юриста не долго оставалась въ бездѣйствіи. Тѣ же молодые люди, которые были посланы заграницу, были и первыми распространителями юридической мысли путемъ періодическихъ изданій: Юридиче-

*) Тамъ-же, стр. 64, 65 и 66.
**) Тамъ-же, стр. 66 и 67.

скія Записки профессора *Рѣдкина* — это праотецъ нашей періодической юридической печати *).

Реформы царствованія Императора Александра II, двинувшія гигантскими шагами впередъ Россію, а въ особенности реформа судебная, не могли не задѣть юристовъ и не возбудить въ нихъ желанія работать на пользу родины. Начали появляться газеты, журналы и изслѣдованія, посвященныя разработкѣ отечественнаго права, но и по сіе время направленіе *историко-догматическое сравнительное* является единственно тѣмъ методомъ, на которомъ зиждется разработка нашего отечественнаго права. Такимъ образомъ то направленіе научное, которое началось у насъ съ изданія Свода, существуетъ и понынѣ въ Университетскомъ преподаваніи и въ нашей юридической литературѣ.

Прошло уже 54 года, какъ Сводъ Законовъ былъ впервые изданъ**), но и до сихъ поръ еще раздаются голоса противъ него какъ законодательнаго акта и вообще, что работа, произведенная Сперанскимъ, была совершенно излишняя. Для того, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о Сводѣ и оцѣнить все то значеніе, которое онъ имѣлъ для нашей жизни, я нахожу необходимымъ разобрать тѣ воззрѣнія, которыя высказывались по поводу Свода. Мнѣ кажется, что именно такимъ способомъ я буду въ состояніи вполнѣ выяснить свою задачу.

Въ 1869 году, издавая 1 ч. X т. съ ея историческими основаніями, я въ предисловіи разобралъ тѣ нападки, ко-

---

*) Профессоръ *Рѣдкинъ*, мой учитель, одинъ изъ 20 лицъ, посланныхъ заграницу, по настоящее время, живой свидѣтель всего, что совершалъ Сперанскій и какое направленіе приняла наша наука.

**) Сводъ, состоящій изъ 15 томовъ, вышелъ изъ типографіи въ исходѣ 1832 года 19 Января 1833 года было чрезвычайное собраніе Государственнаго Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Императора, на которомъ постановлено: обнародовать Сводъ и начать приводить его въ дѣйствіе съ 1 Января 1835 года.

торыя дѣлались Своду и тамъ, по мѣрѣ силъ своихъ, доказывалъ ихъ голословность и бездоказательность. Прошло уже 20 лѣтъ съ того времени, когда я выступилъ съ своимъ трудомъ, и вотъ сегодня среди юристовъ, въ Собраніи ихъ, я осмѣливаюсь появиться на защиту того, предъ чѣмъ тогда я благовѣйно стоялъ, пораженный величіемъ и геніальностью творца ихъ. Тогда многое казалось мнѣ въ другомъ свѣтѣ. Нынѣ, провѣривъ все прежнее, познакомившись съ тѣмъ, что появлялось въ печати послѣ 1869 г., я долженъ однако сознаться, что и нынѣ беру на себя смѣлость защищать положенія, что Сводъ Законовъ есть явленіе историческое соотвѣтствующее тому положенію, въ которомъ находилось тогда наше законодательство; онъ продуктъ своего времени и что нападки на Сводъ не столько относятся къ Своду какъ акту законодательному, сколько къ его содержанію.

Хотя нападки на Сводъ позднѣйшаго времени и отличаются отчасти почти тѣмъ-же характеромъ, что и прежде, но имъ предпосылаютъ уже другія соображенія и основанія,—но есть однако также и такія, которыхъ прежде не было слышно. Такъ говорятъ: Зачѣмъ Сперанскій издалъ Сводъ, а не остановился на Полномъ Собраніи? Почему онъ не составилъ Уложеній? Что изданіе Свода вызвало рядъ дополненій, измѣненій и исправленій. Что онъ затормозилъ составленіе Уложенія. Что изданіе Свода затормозило изученіе нашего права и развитіе науки и литературы. Что Судебная практика могла-бы сама собой выработать положенія и начала нашего права. Что Сводъ вызвалъ къ жизни положенія уже отжившія. Что многое введено въ Сводъ, какъ заимствованіе изъ иностранныхъ законодательствъ и т. д.

Эти мнѣнія не составляютъ единичныя явленія, они раздаются почти всюду. Въ послѣднее время не появляется ни одной статьи, въ которой не приводилось бы то

или другое обвиненіе. Большинство этихъ воззрѣній и нападокъ отчасти сгруппировалъ *г. Филиппов* въ сочиненіи своемъ «Судебная Реформа», которое въ свое время пользовалось вниманіемъ читателей *).

Не касаясь тѣхъ воззрѣній, которыя мною уже подвергались разбору, я позволю себѣ остановить Ваше вниманіе на тѣхъ, которыя составляютъ результатъ позднѣйшаго времени.

Прежде всего я считаю нужнымъ замѣтить, что во всѣхъ обвиненіяхъ, по моему мнѣнію, заключается одно весьма глубокое заблужденіе и недоразумѣніе, такъ какъ исходная точка всѣхъ нападокъ весьма невѣрна.

Мнѣ кажется, что если кого либо и въ чемъ либо желаютъ обвинять, то нужно прежде всего, чтобы это обвиненіе заключалось въ томъ, что можетъ относиться къ тому лицу, такъ напр., что оно не совершило того, что ему было поручено, или что лицо, взявшись за исполненіе, но этого не исполнило.

Обвинять же Сперанскаго въ томъ, зачѣмъ онъ создалъ именно Сводъ, а не остановился на одномъ Полномъ Собраніи, или въ томъ, почему онъ не составилъ Уложенія, едва-ли основательно, такъ какъ это дѣлается въ то самое время, когда почти всѣ признаютъ, что Сперанскій былъ весьма образованный человѣкъ, зналъ хорошо ему современное положеніе западно европейскихъ законодательствъ, зналъ также весьма хорошо, что послѣднее слово законодательной кодификаціи — это Уложеніе. Онъ даже и проектъ въ этомъ именно смыслѣ и предлагалъ Императору Николаю, но Императоръ нашелъ нужнымъ издать лишь *Сводъ***). Эта воля Монарха основыва-

*) Если я привожу слова г. Филиппова, то это я дѣлаю единственно съ тою цѣлью, чтобы подтвердить свои заявленія, о дѣйствительномъ существованіи такихъ нападокъ, а съ другой стороны, чтобы показать къ какимъ пріемамъ иной разъ прибѣгаютъ обвинители, чтобы доказать свое мнѣніе

**) *Пахманъ*, «Исторія кодификаціи» т. II, стр. 3.

лась на тѣхъ данныхъ, которыя представляла исторія нашихъ законодательныхъ коммисій. Неудачи предшествующихъ коммисій и были оттого, что хотѣли сразу создать Уложеніе, не произведя никакой подготовительной кодификаціи *). Г. Филипповъ, разбирая дѣятельность Сперанскаго, доказывая ея недостатки и забывая, что онъ говорилъ раньше, заявляетъ: **) «Уполномочіе Сперанскаго заключалось лишь въ томъ, чтобы составить сводъ узаконеній, а не сочинять *новыя*. Исполнилъ свою миссію Сперанскій добросовѣстно и честно, и *ошибка его заключается* только въ томъ, что *своду дана обязательная сила*». Достаточно одного поверхностнаго взгляда, чтобы признать это обвиненіе лишеннымъ всякаго значенія. И въ самомъ дѣлѣ, можно-ли обвинять Сперанскаго въ томъ, что Сводъ получилъ обязательную силу? Если въ этомъ кого и возможно было винить, то ужъ кого угодно, только не Сперанскаго. Онъ законовъ не утверждалъ и силы законодательной своимъ трудамъ придать не могъ. Но обвиненіе это неосновательно и по существу. Исторія образованія нашего Свода доказываетъ, что именно Сперанскій, а никто другой, предлагалъ Своду не придавать на первое время значенія исключительнаго и существующаго закона. Объ этомъ имъ даже былъ написанъ докладъ «О силѣ и дѣйствіи нашего Свода»***). Но это предложеніе Сперанскаго однако не было принято, и Сводъ сразу получилъ силу закона. Но какъ бы тамъ ни было, винить Сперанскаго за дѣйствія другихъ едва ли возможно и едва ли въ этомъ можно видѣть недостатки Свода. Г. Филипповъ весьма подробно останавливается на словахъ одного государственнаго лица, сказавшаго: «До Свода путаница нашихъ без-

---

*) »Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о сводѣ законовъ» изд. 1837 года стр. 58 и слѣд.

**) «Судебная роформа», т. I, стр. 20.

***) Архивъ *Калачова*, кн. IV, стр. 2.

численныхъ указовъ и недостатокъ точной ихъ извѣстности останавливали подчиненныя мѣста входить съ представленіями о дополненіи и измѣненіи закона, изъ страха, что отъ нихъ укрылся какой нибудь существующій указъ и что имъ дадутъ нагоняй за запрещенное «испрашиваніе указа на указъ»; теперь же, когда *все* сдѣлалось извѣстнымъ и яснымъ, всякій низшій чиновникъ сталъ всезнающимъ умникомъ, и подобныхъ представленій не оберешься». *Баронъ Корфъ* *) весьма основательно указываетъ, къ какой категоріи критическихъ отзывовъ слѣдуетъ отнести эти слова. Кромѣ того соображенія самого Сперанскаго «О силѣ и дѣйствіи Свода»**) даютъ весьма обстоятельное объясненіе на возможность подобныхъ явленій и указываются средства борьбы съ этимъ зломъ; но г. обвинитель ничего этого знать не хочетъ, онъ находитъ слова государственнаго человѣка вполнѣ справедливыми и правдивость ихъ старается подтвердить слѣдующими положеніями: «Во 1-хъ тѣмъ, что въ теченіе 38-лѣтняго существованія Свода онъ ежегодно вызываетъ по толстому тому продолженія и уже два раза преобразовывался въ новые своды 1842 и 1857 годовъ; 2) что каждый новый законъ возникаетъ по частному дѣлу, разсмотрѣннымъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, которое поэтому составляетъ: или отмѣну прежняго, или толкованіе, или поясненіе, или простое исключеніе изъ Свода статьи закона; 3) что судебная и административная практика до того обременяютъ въ теченіе 38 лѣтъ законодательное сословіе разными законодательными вопросами, что для ихъ разрѣшенія постоянно усиленно работаютъ Департаментъ Законовъ Государственнаго Совѣта, II Отдѣленіе Собственной Канцеляріи Государя Императора и Министерства; 4) что со смертью Сперанскаго тот-

---

*) «Жизнь Сперанскаго», т. II, стр. 323.

**) См. Архивъ *Калачова*, кн. IV, стр. 4 и сл.

часъ же возникъ вопросъ о судебной реформѣ и всякое исправленіе его уставовъ, съ послѣдующими даже толкованіями, измѣненіями, дополненіями и поясненіями, оказались и признаны *невозможными*; 5) что Государственный Совѣтъ, разсматривая «основныя положенія судебной реформы въ Россіи», нашелъ между прочимъ также всѣ эти недостатки; 6) наконецъ, должны мы въ заключеніе спросить: послѣ 38-лѣтней, усиленной дѣятельности и труда Государственнаго Совѣта, II Отдѣленія Собственной Канцеляріи Государя Императора—надъ исправленіемъ пробѣловъ и неясностей Свода, надъ исключеніемъ и переработкою его матеріала,—что же вышло?... Что 38-лѣтняя законодательная дѣятельность убѣдила только всѣхъ, что приходится все сломать и строить новое зданіе? Настоящему царствованію выпала эта доля, и мы уже въ настоящее время видимъ, что немного осталось и немного остается изъ Свода Сперанскаго, и *новый* сводъ, если онъ только появится у насъ, будетъ настолько же похожъ на прежній,—какъ, напримѣръ, китайскіе уставы на русскіе»...

Высказавъ такія положенія, г. Филипповъ удивляется, какъ люди умные не могутъ понять, что, при хорошемъ судоустройствѣ, *дайте какіе угодно несовершенные законы,* и *судебная практика* или, лучше сказать, сама жизнь выработаетъ изъ нихъ разумные обычаи, разумное пониманіе и толкованіе закона .. Но, спрашивается, при чемъ тутъ Сводъ и въ чемъ собственно обвиненіе? Если Сводъ вызвалъ необходимость *продолженій* его и изданія новыхъ законовъ, то что же здѣсь удивительнаго, ненормальнаго или такого, что не предвидѣлось самимъ Сперанскимъ. Развѣ исправленіе и измѣненіе Свода имъ не имѣлись въ виду? Ничуть не бывало. Я скажу ниже, какимъ порядкомъ предлагалъ Сперанскій дѣлать дополненія къ Своду, и объясню, что то, что мы видимъ теперь, дѣлалось и дѣлается—вопреки его предположеніямъ и программѣ. Но развѣ даже

то, что появлялось послѣ изданія Свода, не носило ли на себѣ печати новаго закона, соотвѣтствующаго условіямъ новой жизни? Развѣ теченіе жизни пріостановилось Сводомъ? «Сводъ, говоритъ Сперанскій *), есть вѣрное изображеніе того, *что есть* въ законахъ; но онъ не есть *ни дополненіе ихъ, ни толкованіе*. При подробномъ разсмотрѣніи статей его, легко можно замѣтить множество случаевъ, законами нашими *необъятыхъ* и *неопредѣленныхъ*, и замѣчанія сіи еще усиливаются сравненіемъ статей Свода со статьями, имъ соотвѣтствующими въ иностранныхъ уложеніяхъ». Указавъ засимъ нѣсколько примѣровъ неполноты Свода, Сперанскій продолжаетъ: «Подобные сему примѣры можно указать если не въ каждой главѣ, то почти въ каждомъ раздѣлѣ. Слѣдовательно, сколько объемъ Свода нашего обширенъ и полонъ, столько составныя его части недостаточны и скудны. Сіе и быть иначе не могло. Гражданскіе законы нигдѣ не были произведеніемъ умозрѣнія: они вездѣ возникали отъ дѣлъ и случаевъ. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе дѣлъ, чѣмъ жизнь государства была продолжительнѣе, чѣмъ кругъ его дѣйствія обширнѣе, тѣмъ гражданскіе его законы обильнѣе, тѣмъ составъ ихъ полнѣе». Лучшаго возраженія едва-ли можно сдѣлать. Оно важно потому, что исходитъ отъ Сперанскаго, котораго именно и обвиняютъ въ непониманіи того, что онъ дѣлалъ. Но говорятъ, что Сводъ вызвалъ многое мертвое къ жизни. Это обвиненіе, по моему, болѣе чѣмъ голословно; хотя и оно раздается всюду, тѣмъ не менѣе скажу по совѣсти, что я не знаю такого правоваго института, который, какъ мертвый, былъ бы вызванъ къ жизни. Если вслѣдствіе изданія Свода отъ сопоставленія различныхъ положеній явились противорѣчія непримѣримыя, то этого и нужно было ожидать. Въ этомъ и заслуга Свода, а не

*) «Объяснительная записка содержанія и расположенія Свода Законовъ Гражданскихъ»—Архивъ *Калачова*, кн. II, стр. 6.

его недостатки. Сводъ указалъ, что есть и что слѣдуетъ немедленно измѣнить или отмѣнить какъ существующее, но уже для жизни не пригодное.

Но говорятъ, незачѣмъ было составлять Свода. Что же, спрашивается, нужно было сдѣлать, чтобы уничтожить ту неурядицу, съ которой боролось наше правительство въ теченіе 126 лѣтъ? Нужно было, говорятъ, образовать *новыя судебныя установленія*, и они ужъ создали бы и законъ путемъ *судебной практики*. Если эти слова пустой звукъ нынѣ для насъ, живущихъ при условіяхъ, созданныхъ реформами крестьянской, городскаго и земскаго самоуправленія, при гласномъ судѣ, и если мы видимъ, какъ безсиленъ нынѣ судъ что либо сдѣлать для установленія началъ права, то что же можно было ожидать отъ того времени, къ которому относится изданіе Свода? И въ самомъ дѣлѣ, что это была за практика судебная? Для насъ это недавно пережитое время, хотя еще и не особенно отдаленное, уже представляется чѣмъ то необыкновеннымъ. Посмотрите, какая бездна отдѣляетъ насъ отъ того времени. Даже трудно себѣ представить, чтобы оно могло имѣть мѣсто еще такъ недавно. Но гг. обвинители видятъ въ старой нашей судебной практикѣ великій залогъ будущаго и что она могла создать начала законодательства. Замѣчая засимъ однако, что значеніе суда уже черезчуръ преувеличено, обвинители сюда же присоединяютъ и адвокатуру, что и ее нужно было создать, ибо «если съ изданіемъ Свода подъячіе прежніе и уничтожены, говорятъ они, то тѣмъ не менѣе вмѣсто адвоватовъ у насъ установилось просто *факторство въ судахъ*» *). Съ изданіемъ Свода, *законъ* сдѣлался доступнымъ для всѣхъ и привлекъ массу лицъ, ничего не знающихъ и не понимающихъ въ адво-

---

*) *М. Филиппов*, «Судебная реформа», стр. 16.

катской дѣятельности»*). Подобное явленіе, скажу отъ себя, произошло и на нашихъ глазахъ послѣ изданія Уставовъ 20 Ноября 1864 года. Когда открылись камеры Мировыхъ Судей и Съѣздовъ, Окружные Суды, Судебныя Палаты и Кассаціонный Сенатъ, то они начали посѣщаться людьми всякихъ профессій въ образѣ ходатаевъ по чужимъ дѣламъ Я самъ помню, какъ здѣсь въ Одессѣ въ 70-хъ годахъ съ большимъ достоинствомъ и тактомъ велъ на судѣ дѣла человѣкъ, который прежде занимался продажею спичекъ. А деревенскіе кулаки, міроѣды, развѣ они не были адвокатами крестьянскихъ обществъ, не эксплоатировали ли они крестьянскаго населенія? Но что же эти факты значатъ? Развѣ эти явленія, сами по себѣ взятыя, могли уничжить и умалить значеніе судебной реформы? Если это такъ, то тѣмъ болѣе странно недовольство на Сводъ за то, что онъ далъ возможность многимъ знать, что есть въ законѣ. Къ словамъ и мнѣніямъ государственныхъ людей, современниковъ Сперанскаго, о его дѣятельности вообще нужно относиться съ крайнею осторожностью, въ особенности къ тѣмъ словамъ, въ которыхъ выражалась хула на него. Какъ человѣкъ, возвысившійся съ изумительною быстротою, благодаря своимъ исключительнымъ способностямъ, какъ человѣкъ всеобъемлющей дѣятельности, широкаго почина и рѣшительный, Сперанскій имѣлъ множество враговъ и недоброжелателей.

Извѣстно, что претерпѣлъ Сперанскій, благодаря своимъ врагамъ, но нельзя забывать и словъ Императора Николая, сказанныхъ послѣ его смерти: «Теперь всѣ знаютъ,

*) Вотъ какіе факты приводитъ г. *Филиппов*. «Въ Одессѣ, говоритъ онъ, былъ у меня портной итальянецъ, который едва умѣлъ читать по русски. Однажды я встрѣчаю его на улицѣ и объявляю ему, что иду въ его магазинъ сдѣлать заказъ. Я уже закрылъ мой магазинъ, (отвѣтилъ онъ на какомъ-то не русскомъ, а варварскомъ языкѣ) и теперь занимаюсь адвокатствомъ.—Какъ, воскликнулъ я съ удивленіемъ, да вы едва говорите по русски.— Ничего, отвѣтилъ онъ,—купилъ 10 и 11 томы—и адвокатъ». Другой случай: Одинъ библіотекарь, имѣвшій порученіе II-го Отдѣленія канцеляріи Государя Императора на распродажу Свода Законовъ, сдѣлался по этому случаю адвокатомъ, не умѣя, конечно, написать двухъ строкъ правильно. (Стр. 13 и 14).

чѣмъ я, чѣмъ Россіи ему обязаны и клеветники давно замолкли» *). Эти слова Императора Николая могутъ служить прекраснымъ предостереженіемъ тому, какъ нужно относиться къ мнѣніямъ о Сперанскомъ его современниковъ. Укажу здѣсь на одно изъ обвиненій, которое также раздается всюду, но которое въ силу документальнаго разсмотрѣнія представляется несостоятельнымъ, голословнымъ, а между тѣмъ, въ свое время, оно даже имѣло злонамѣренный характеръ, я говорю объ обвиненіи Сперанскаго въ попыткѣ перенести на нашу русскую почву французскій гражданскій кодексъ.

Самъ Сперанскій возражалъ противъ этого обвиненія своимъ современникамъ**). Его же труды, послѣ его смерти распубликованные, доказываютъ, какъ онъ смотрѣлъ на римское и французское право, при чемъ въ отношеніи русскаго законодательства онъ писалъ, «что оно дѣйствовало и возросло собственными своими природными силами и, можетъ быть, одно во всей Европѣ ничего почти непосредственно, и весьма мало посредствомъ нѣмецкихъ законовъ, почерпало въ общемъ источникѣ законовъ—въ римскомъ правѣ. Отсюда происходитъ не только въ существѣ законовъ, но и въ системѣ ихъ, и еще болѣе въ языкѣ судебномъ и дѣловомъ, столь рѣзкое различіе между законодательствомъ европейскимъ и россійскимъ, что соединить ихъ нѣтъ почти никакой возможности, не перемѣнивъ обычаевъ, навыковъ, образа мыслей всѣхъ судей и дѣлопроизводителей. Есть многія сходства въ законахъ и особенно въ дѣлопроизводствѣ; но сіи сходства возникли не отъ *подражанія*, но отъ

*) *Баронъ Корфъ*, «Жизнь Сперанскаго», т. II, стр. 30.

**) Въ письмѣ къ Императору Александру I онъ писалъ: «Другіе—искали доказать, что уложеніе, мною составленное, есть переводъ съ французскаго, или близкое подражаніе: *ложь* или *незнаніе*, кои изобличить тоже нетрудно, ибо то и другое напечатано. Въ источникѣ своемъ, т. е. въ римскомъ правѣ, всѣ уложенія всегда будутъ сходны; но съ здравымъ смысломъ, съ знаніемъ сихъ источниковъ и кореннаго ихъ языка можно почерпать прямо изъ нихъ, не подражая никому и не учась ни въ нѣмецкихъ, ни во французскихъ Университетахъ».

общаго правила, что одинакія обстоятельства производятъ у разныхъ народовъ одинакія послѣдствія*). *Г. Дружининъ***) путемъ сопоставленія содержанія тѣхъ законодательныхъ актовъ, которые вышли подъ непосредственной редакціей Сперанскаго, доказываетъ, какъ высоко держалъ онъ знамя національнаго достоинства русскаго законодательства и какъ всѣ обвиненія въ заимствованіяхъ изъ французскаго кодекса должны пасть и быть признаны голословными. Выходка Министра Юстиціи *Трощинскаго* должна быть весьма поучительною для критиковъ Сперанскаго. Трощинскій, человѣкъ необразованный и не владѣвшій между прочимъ французскимъ языкомъ, заявилъ однажды о полученномъ имъ сличеніи проекта гражданскаго уложенія съ кодексомъ Наполеона «Сличеніе сіе, безъ всякаго пристрастія сдѣланное, увѣрялъ онъ,—удостовѣряетъ меня, да и всякаго удостовѣрить можетъ, что разсматриваемый нами проектъ гражданскаго уложенія собственно есть испорченный переводъ Наполеонова кодекса»... Затѣмъ онъ напомнилъ о происхожденіи этого кодекса изъ ужасовъ и звѣрствъ французской революціи...

Не смотря на всю неосновательность и безтактность этого обвиненія, такъ какъ Императоръ Александръ присутствовалъ въ 1810 г. въ Государственномъ Совѣтѣ при слушаніи первыхъ двухъ частей Уложенія, однако князь *Лопухинъ* счелъ нужнымъ отвѣтить противъ означенныхъ обвиненій Сославшись на бумаги и дѣла, Лопухинъ доказывалъ при этомъ, что коммисіею всѣ правила, данныя ей въ Высочайше конфирмованномъ докладѣ 1804 г., какъ и положеніи 1809 г., при занятіяхъ ея въ полной мѣрѣ были

---

*) «Мысли Графа М. М. Сперанскаго». Архивъ *Калачова*, кн. I, стр. 8.

**) *Дружининъ*. «Памяти Сперанскаго». Историч Вѣст. Январь, 1889 г., стр. 156.

соблюдены. Въ свою очередь графъ *Салтыковъ* замѣтилъ объ этомъ нападеніи какъ «ни на чемъ не основанной укоризнѣ».

Если при жизни Сперанскаго не брезгали ничѣмъ, чтобы его оклеветать, что и обусловливалось личными съ нимъ счетами, то странно слышать повтореніе обвиненій такого же свойства отъ людей, которые должны относиться къ нему объективно. Тѣмъ не менѣе указываютъ на рядъ статей, заимствованныхъ изъ иностранныхъ кодексовъ*). Я, съ своей стороны, и не вижу особаго грѣха въ заимствованіяхъ. Но вотъ вопросъ: было ли это дѣйствительно заимствованіе или же результатъ тѣхъ воззрѣній, которыя Сперанскій имѣлъ на тѣ или другія правовыя положенія? Отъ Сперанскаго же, при его солидномъ знаніи права, можно ожидать, что онъ, помимо своей воли, внесъ въ наше законодательство тѣ положенія, которыя были выработаны западно-европейскими законодательствами.—Это были, такъ сказать, выводныя статьи, но не заимствованія изъ иностранныхъ кодексовъ.

Но вотъ еще одно обвиненіе, которое показываетъ, какъ они были односторонни.

Возражая противъ заслугъ Сперанскаго, г. Филипповъ вопрошаетъ: «И какую *пользу принесъ* намъ нашъ сводъ? Говорятъ, что съ его изданіемъ *изученіе нашего права перешло* въ область возможнаго. . . . Но развѣ это изученіе было бы недоступно при существованіи одного только Полнаго Собранія Законовъ? Въ послѣднемъ случаѣ и самое изученіе *могло-бы быть болѣе основательно*, такъ какъ требовало историческаго, философскаго и практическаго изученія предмета; между тѣмъ какъ сводъ представляетъ одни догматы, *безъ поясненія ихъ теоретическихъ началъ*. Правда, что при такомъ способѣ изученія права

*) См. статьи *Г. М. Барауа* въ Жур. Гражд. и Уголов. Права за 1888 годъ.

оно сдѣлалось-бы недоступнымъ многимъ, но если-бы трудъ сличенія постановленій, указовъ, уставовъ и статутовъ былъ предоставленъ *частной*, а не законодательной дѣятельности, то у насъ *давнымъ-давно* образовалась-бы *народная юридическая наука* и въ теченіи 30 лѣтъ составилось бы безчисленное множество частныхъ сводовъ *)»... Но дѣйствительно-ли это было такъ возможно, какъ увѣряетъ г. Филипповъ и друг'е? Я не желаю быть голословнымъ въ своихъ сомнѣніяхъ, а укажу лишь на одинъ, по моему, знаменательный фактъ. Если Сводъ отодвинулъ на задній планъ философское и практическое изученіе права, то что мѣшало нашимъ юристамъ, людямъ русскимъ, изучать народныя правовыя воззрѣнія, выраженныя *въ обычаяхъ?* Вѣдь пока правительство не двинуло коммисію сенатора *Любощинскаго* о волостныхъ судахъ по губерніямъ и не издала эта коммисія 7 томовъ своего сборника, вѣдь до того времени мы имѣли лишь единичные труды по обычному праву. Что мѣшало и нынѣ мѣшаетъ изданію сборника и даже Устава обычаевъ? Если прослѣдить дальше возраженія и нападки, то оказывается, что «и *юридическая наука* и *юридическая литература* были поставлены сводомъ законовъ въ безвыходное положеніе: первая замкнута была въ схемахъ положительнаго права; вторая—прикована была къ исторической почвѣ»... Изъ этого видно, что въ теченіи 30 лѣтъ *свода затормозилъ юридическую науку и литературу въ нашемъ отечествѣ*, и, не будь этого обстоятельства, мы бы *давно* вышли на какой нибудь правильный путь .... *Не будь* оффиціальнаго Свода, крайняя потребность изученія отечественнаго законодательства дала бы *давнымъ-давно* огромный толчокъ ученой юридической дѣятельности; у насъ *вѣрно* появились бы не только частные своды, но и огромная литература, которая имѣла бы предметомъ—те-

*) «Судебная реформа», стр. 11.

оретическое и догматическое изложеніе разныхъ отдѣловъ права»*). Указавъ затѣмъ на труды Максимова, Горюшкина, Зернова, Кукольника, Васильева, Меркулова и, какъ выражается г. Филипповъ, «на множество другихъ сочиненій, имѣвшихъ предметомъ своимъ не только историческое и теоретическое, но и практическое изложеніе предмета», онъ задаетъ вопросъ: «съ изданіемъ же Свода много ли сочиненій вышло съ такимъ характеромъ? Еще можно насчитать довольно значительное число сборниковъ, въ видѣ сокращенныхъ сводовъ: *но теоретическихъ сочиненій появилось очень мало*: такъ что можно положительно сказать, что теоретической литературы *права у насъ не было*. Послѣднее обстоятельство весьма вредно дѣйствовало не только на университеты, но и на общество, такъ какъ единственнымъ *теоретическимъ руководствомъ становился несовершенный нашъ Сводъ законовъ*»**). Мы положительно затрудняемся сказать, на чемъ основаны всѣ эти соображенія и нападки на Сводъ. Читая эти строки, невольно каждый думаетъ, что уже миновало время для Россіи дѣйствія Свода Законовъ, что мы живемъ теперь при другихъ условіяхъ, если г. Филипповъ нарисовалъ такую законченную картину его силы и дѣйствія. Но каково же будетъ недоразумѣніе, если историкъ, прочитавъ вышеприведенныя слова, узнаетъ, что Сводъ Законовъ дѣйствовалъ и въ тотъ моментъ, когда писалъ свое сочиненіе г. Филипповъ, и дѣйствуетъ по настоящее время, и Богъ вѣсть, когда еще прекратитъ свое существованіе. При чемъ, спрашивается, обвиненіе на Сводъ въ тормазѣ науки и литературы? Что съ изданіемъ Свода русская юридическая наука получила свое новое направленіе и начала оказывать благотворное вліяніе, то это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Я это уже доказалъ выше, сославшись на мнѣнія

*) Тамъ-же, стр. 12.
**) Тамъ-же, стр. 14.

авторитетовъ нашей юридической науки. По показанію ихъ Сводъ не прекратилъ, не затруднилъ разработку нашего права, а напротивъ далъ возможность появленію на первыхъ же порахъ его дѣятельности такого капитальнаго труда какъ «Исторія Россійскихъ Гражданскихъ Законовъ» *Неволина*, которое и было по достоинству оцѣнено современниками и нынѣ представляется капитальнымъ сочиненіемъ. Профессоръ *Станиславскій* къ рѣчи своей «О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи» приложилъ систематическій указатель сочиненій юридическаго содержанія, изданныхъ въ Россіи съ 1830 по 1852 г. включительно, изъ котораго каждый безпристрастный изслѣдователь можетъ убѣдиться, кто работалъ, какъ работалъ и какія отрасли права разрабатывались. Другой ученый *Романовичъ-Славатинскій* *), указавъ на то, что до изданія Свода Законовъ пособія для изученія догмы были крайне слабыя, заявляетъ, что «дѣятельность ученыхъ была затруднена необходимостью собранія и сведенія въ одно цѣлое разбросанныхъ законоположеній». Я не буду приводить имена нашихъ ученыхъ, они всѣмъ извѣстны. Но спрошу лишь гг. обвинителей когда написана Энциклопедія права Неволина, что читали въ Университетахъ съ каѳедръ такіе ученые какъ Крыловъ, Мейеръ, Рѣдкинъ, Пахманъ, Кавелинъ, Спасовичъ, Побѣдоносцевъ? Неужели же одинъ Сводъ и больше ничего? Литература тоже начала проявлять себя, какъ только явились русскіе ученые юристы, но она шла дѣйствительно не бойко, не было достаточно силъ свободныхъ, но вѣдь это—точь въ точь что мы видимъ и теперь. Велика ли въ самомъ дѣлѣ наша современная юридическая литература? Легко ли сказать, что теперь у насъ всего лишь *два* журнала и *одна* газета, и это на всю Россію! . Если это теперь такъ, когда мы

---

*) Пособіе для изученія Русскаго Государственнаго Права, вып. I, стр. 12—13.

имѣемъ новыя Судебныя Установленія, переполненныя лицами, получившими юридическое образованіе, присяжную адвокатуру, Юридическія Общества, то само собою понятно, что нельзя было лучшаго ожидать отъ того времени, когда наукою интересовались лишь тѣ, кто былъ при Университетѣ, или тѣ, кто слушалъ въ Университетѣ лекціи. Я самъ на себѣ испыталъ такой фактъ. Когда я, занимаясь изданіемъ первой части десятаго тома, привлекъ къ своимъ занятіямъ молодыхъ людей, моихъ сослуживцевъ, то предсѣдатель того учрежденія, гдѣ мы служили, мнѣ сказалъ: «Вы напрасно занимаете молодыхъ людей этими работами Къ чему все это? Разъ кончилъ университетъ — служба. Какая тутъ наука и пріобрѣтеніе знаній?».. Это я слышалъ, и такіе взгляды, я убѣжденъ, можно слышать еще и теперь. Какъ видите, на всякаго не угодишь!.. А судебная реформа, между тѣмъ уже дѣйствуетъ 22 года, и мы недавно праздновали 25-лѣтіе Московскаго Юридическаго Общества!... Завѣренія, что путемъ частныхъ изданій мы могли бы пріобрѣсть прекрасные Своды, по моему, вполнѣ опровергаются тѣмъ, что изложено въ предисловіи къ Первому Полному Собранію Законовъ, гдѣ указано, какими недостатками обладали частныя изданія Сводовъ, а съ другой стороны мы на себѣ теперь ежедневно испытываемъ, какими совершенствами и недостатками обладаютъ частныя изданія законовъ, когда они только занимаются перепечаткою статей Свода.

Наконецъ, говорятъ, что не слѣдовало *избирать историческій путь*. «Историческій путь хорошъ только въ *судебной практикѣ*. Судебная практика очищаетъ самыя несовершенныя учрежденія устава и закона, потому что въ ней принимаетъ тогда *участіе весь народъ*, со всѣми его интелектуальными силами, складомъ ума и силою генія. При судебной практикѣ работаетъ все разумное въ народѣ въ теченіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ или цѣлыхъ вѣковъ и такой путь

самый разумный: онъ вырабатываетъ *тогда въ обществѣ здравыя юридическія понятія, установляетъ формы*, вытекающія изъ духа народа... Но *путь историческій* становится крайне несовершеннымъ, когда трудъ этотъ принимаетъ на себя законодательство...

«Судебная практика сама собою, съ теченіемъ времени, *отбрасываетъ всѣ устарѣлыя формы* и съ каждымъ вѣкомъ, видоизмѣняясь, приближается все болѣе и болѣе *къ идеалу права*. Законодательная же власть при составленіи *Свода не можетъ стать въ такое благопріятное положеніе: болѣе или менѣе она стоитъ при этомъ подъ вліяніемъ временныхъ и субъективныхъ взглядовъ* ея дѣятелей и она сама собою не можетъ ни изчерпнуть всѣхъ нуждъ и потребностей народа, ни усвоенныхъ имъ юридическихъ понятій!»....*).

Дальше идти въ обвиненіи едва ли возможно. Не печальную-ли въ самомъ дѣлѣ картину рисуютъ гг. обвинители о силахъ и дѣятельности законодательной власти? При всемъ уваженіи къ суду, судебной практикѣ, тѣмъ не менѣе едва ли достойно отрицать въ законодательной власти даннаго народа знанія нуждъ народа, его интересовъ. Да и какая же власть можетъ издавать законъ для народа, если она его не знаетъ? И какіе законы вообще она можетъ издавать? Говоря это, я не желаю кого либо обѣлять, равно и не желаю никого обвинять, я лишь констатирую факты, какъ они есть, и, право, приходится съ грустью сознаться въ одномъ лишь, что люди, разъ взявъ себѣ извѣстную идею, очень часто, желая ее доказать, закрываютъ глаза на все и не желаютъ видѣть ничего, кромѣ того, что они взялись доказать.

Баронъ *Корфъ*, написавшій прекрасное и солидное сочиненіе «Жизнь Графа М. М. Сперанскаго», именуется *пане-*

*) Судебная реформа, стр. 18.

гиристомъ. Желаютъ уже этимъ однимъ эпитетомъ подорвать къ его труду всякую вѣру. А между тѣмъ послушайте тѣхъ, кто писалъ о книгѣ Корфа*). Признавая трудъ Корфа вообще серіознымъ и солиднымъ, Академикъ *Гротъ* однако дѣлаетъ упрекъ Корфу во взводимомъ на Сперанскаго обвиненіи въ неискренности. «Потомство оцѣнитъ этого великаго человѣка по заслугамъ, говоритъ Гротъ, и насколько это обвиненіе Корфа справедливо». Уже это одно обстоятельство, усмотрѣнное въ трудѣ Корфа о Сперанскомъ, дѣлаетъ эпитетъ Корфу—«панегиристъ»—совершенно несправедливымъ и неумѣстнымъ. Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи Академику Гроту можно больше вѣрить, чѣмъ гг. обвинителямъ.

Тѣ соображенія, которыя Корфъ приводитъ въ оправданіе дѣятельности Сперанскаго, гг. обвинители называютъ «избитыми мѣстами, которыя мы съ 1832 по 1859 г. слышали съ любой кафедры русскаго права»**). Но свидѣтельствованія такихъ лицъ какъ Неволинъ, Станиславскій, Рождественскій, наконецъ, заявленія послѣдователей нашего права въ позднѣйшее время Шахмана ***), Градовскаго ****), Романовича-Славатинскаго *****) должны имѣть, по моему мнѣнію, большее значеніе, и они должны быть признаны болѣе авторитетными, нежели голословныя опроверженія тѣхъ, представителемъ которыхъ является г. Филипповъ.

Но какъ смотрѣли современники на труды Сперанскаго? Я имѣлъ уже случай объ этомъ говорить ранѣе,

---

*) «Воспоминанія о Графѣ М. А. Корфѣ», ст. *Грота*, Русск. Стар. 1876 г., Февраль, стр 425.

**) Судебная реформа, стр. 9.

***) Исторія кодификаціи, т. II, стр. 9 и слѣд.

****) Начала Русскаго Государственнаго Права, т. I, стр. 39, 44 и слѣд.

*****) Государственная дѣятельность Графа М. М. Сперанскаго стр. 33.

здѣсь-же я укажу на очень характерное мѣсто изъ одного сочиненія, которое появилось по поводу хода работъ и предположеній по составленію новаго кодекса законовъ о наказаніяхъ 1845 года. На этотъ трудъ я обращаю особое вниманіе, такъ какъ онъ до нѣкоторой степени оффиціальный, а съ другой стороны онъ имѣетъ цѣлью доказать необходимость составленія Уложенія о наказаніяхъ 1845 г. «Не говоря о важномъ общемъ вліяніи Свода Законовъ на утвержденіе порядка въ управленіи, судѣ, даже въ дѣлахъ и сношеніяхъ частныхъ людей, надлежитъ замѣтить только, что сіе полезное вліяніе не ограничивается настоящимъ временемъ, ибо Сводъ доставляетъ и надежнѣйшее средство къ *дальнѣйшему усовершенствованію законодательства*, приводя въ ясность всѣ онаго части, раскрывая и поставляя на видъ, и все полезное, достойное одобренія въ существующемъ порядкѣ, и несовершенства и недостатки настоящихъ узаконеній, такъ что теперь зависитъ отъ правительства *объяснять*, исправлять или дополнять какой либо законъ не иначе, какъ по тщательномъ въ точности соображеніи его со всѣми состоящими съ нимъ болѣе или менѣе въ связи постановленіями»*). Въ отношеніи исправленія уголовныхъ законовъ первый опытъ сдѣлалъ опять таки тотъ же Сперанскій въ представленномъ Государственному Совѣту проектѣ о преобразованіи С.-Петербургской полиціи.

«Мысль о усовершенствованіи нашихъ законовъ вообще была въ виду Его Императорскаго Величества; она можно сказать *современна мысли о составленіи Полнаго Собранія всѣхъ и Свода* дѣйствующихъ постановленій. Недостатки нѣкоторыхъ изъ сихъ узаконеній, въ томъ числѣ и уголовныхъ, были извѣстны и часто чувствуемы

---

*) «Краткое обозрѣніе хода работъ и предположеній по составленію Новаго Кодекса Законовъ о Наказаніяхъ» Спб. 1846 г., стр.37 и 38.

въ судебной практикѣ. *Они еще яснѣе обнаружены* составленіемъ и обнародованіемъ Свода.

«Для исправленія сихъ недостатковъ представлялись два средства, два различныхъ образа дѣйствій: исправленіе *постепенное* или *отдѣльное*, какъ сказано въ представленной о томъ Его Императорскому Величеству Графомъ Сперанскимъ и Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ Дашковымъ запискѣ, и исправленіе *систематическое*. Исправленіе *отдѣльное* могло бы состоять въ томъ, чтобы изъ нѣсколькихъ статей закона, признанныхъ неудобными, исправить сперва одну или двѣ, потомъ еще двѣ или три и такъ далѣе, издавая каждый разъ особыя о томъ положенія. Для исправленіи *систематическаго* надлежало, обозрѣвъ всѣ статьи, всѣ постановленія кодекса законовъ гражданскихъ или уголовныхъ въ совокупности, составить общія начала для исправленія ихъ и усовершенствованія и произвести сіе исправленіе однимъ общимъ положеніемъ, Графъ Сперанскій и Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Дашковъ признавали единогласно: что первый способъ исправленія былъ бы весьма неудовлетворителенъ; что статьи всякаго кодекса законовъ тѣсно связаны между собою и почти невозможно исправить одной, не сдѣлавъ измѣненія и во многихъ другихъ; что отдѣльное исправленіе нѣкоторыхъ только постановленій можетъ быть, доколѣ не исправятся и другія, повлекло бы за собою еще болѣе противъ нынѣшняго порядка неудобствъ, и что единственное исправленіе прочное есть исправленіе *систематическое*. Государь Императоръ изволилъ утвердить сіе заключеніе и, избравъ «второй, т. е. систематическій способъ исправленія, съ тѣмъ вмѣстѣ изъявилъ Свое мнѣніе, что нужно начать съ исправленія Законовъ Уголовныхъ, коихъ недостатки въ особенности ощутительны».

«Исполненіе сіе поручено тогдашнему Министру Юстиціи Дѣйствительному Тайному Совѣтнику *Дашкову* и

Главноуправляющему Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи Графу *Сперанскому*»*).

Такимъ образомъ при жизни Сперанскаго началась работа, имѣвшая окончательное развитіе его геніальной законодательной дѣятельности. Слова, только что мною приведенныя, доказываютъ:

Во 1-хъ. Никто, а тѣмъ болѣе Сперанскій, не смотрѣлъ на Сводъ какъ на такой трудъ, на которомъ нужно было остановиться навсегда.

Во 2-хъ. Въ Сводѣ находили недостатки, а неполнота, неясность и противорѣчія нашихъ законовъ должны были выдвинуться имъ еще рельефнѣе.

Въ 3-хъ. Указанныя выше явленія и побудили тотчасъ же приступить къ дальнѣйшей законодательной работѣ—къ составленію Уложеній, при чемъ началось дѣло съ изданія Уложенія о Наказаніяхъ.

Въ 4-хъ. Сперанскій въ этой послѣдней работѣ занялъ видное мѣсто и его труды были положены въ основу и этого зданія законодательнаго.

При чемъ же послѣ этого нападки на Сперанскаго? Сперанскій нигдѣ ни единымъ словомъ не обмолвился томъ, что Сводъ есть послѣднее слово кодификаціи, Напротивъ, мы уже видѣли, что при первомъ обращеніи къ нему Императора Николая I онъ предлагалъ составить Уложенія. Кто знаетъ, если бы Императоръ Николай согласился на предложеніе Сперанскаго, то, можетъ быть, мы имѣли бы вмѣсто Свода прямо Уложеніе. Сперанскій былъ человѣкъ умѣющій работать. Его настойчивость и энергія были таковы, что дали бы, быть можетъ, и Уложеніе. Но слава и честь его въ томъ, что онъ добросовѣстно, честно, толково исполнилъ возложенное

*) Тамъ-же, стр. 44, 45 и 46.

на него составленіе Свода и на самомъ твореніи своемъ *доказалъ* необходимость осуществленія дальнѣйшей стадіи законодательства, создать Уложеніе, и при его жизни началась и эта послѣдняя работа. Чтобы оцѣнить дѣятельность Сперанскаго, нужно взять весь циклъ его дѣяній, всего имъ совершеннаго, и тогда только явится вся заслуга Сперанскаго въ отношеніи нашего законодательства и то, что онъ сдѣлалъ, составивъ Сводъ Законовъ. Но спрашивается, нужно ли было составлять Сводъ? Я уже сказалъ, что на это была воля Монарха. Наука же права говоритъ намъ, что Своды Законовъ являются одной изъ стадій кодификаціи.

Кодификація является необходимою для удовлетворенія потребностей жизни. «Недостатки же кодификаціи, на которыя указываютъ противники ея, говоритъ *Градовскій* *), далеко перевѣшиваются ея выгодами. Вотъ почему большинство европейскихъ государствъ обратилось къ этому способу доставленія законамъ общеизвѣстности, и каждое государство считаетъ тѣмъ совершеннѣе свое право, чѣмъ совершеннѣе его кодексъ. Россія не отстала въ этомъ отношеніи отъ общаго движенія».

Изданный въ 1832 году Сводъ помимо того, что не медленно потребовалъ исправленія разныхъ его отдѣловъ и частей, но показалъ, что многое нашимъ законодательствомъ не предусмотрѣно, а потому явилась необходимость въ установленіи и изданіи новыхъ правилъ.

Сперанскій предлагалъ ежегодно дѣлать ревизію Своду. «Собирая сіи случаи во едино, можно будетъ при ежегодномъ продолженіи Свода вводить въ оный и тѣ исправленія, кои отъ сей ревизіи возникнутъ. Такимъ образомъ настоящій порядокъ дѣлъ сохранится, а Сводъ будетъ ежегодно пріобрѣтать болѣе точности и полноты. Если

*) Начала Русскаго Государственнаго Права, т. I, стр. 39 и 40.

случаи сего рода будутъ рѣдки или ничтожны, тогда, по указанію опыта, съ достовѣрностью можно уже будетъ объявить Сводъ Законовъ исключительнымъ» *)

Въ такомъ видѣ предлагалъ Сперанскій дѣлать дополненія и измѣненія Свода, при томъ однако началѣ, чтобы Свода сразу не дѣлать обязательнымъ законодательнымъ актомъ, но ни это желаніе Сперанскаго, ни его способъ измѣненія и дополненія Свода у насъ не получили должнаго осуществленія. Измѣненія и дополненія пошли своимъ чередомъ однихъ лишь статей закона. Этихъ продолженій въ теченіи 10 лѣтъ вышло до того много, что потребовалось новое изданіе Свода. Въ 1842 году было второе изданіе Свода, а въ 1857 году третье изданіе, въ которыхъ статьи продолженій присовокупили къ тѣмъ статьямъ закона, къ которымъ они относились по своему содержанію. Изданіе Свода Законовъ 1857 года содержитъ въ себѣ нынѣ дѣйствующіе законы Россійской Имперіи и, постепенно дополняясь новыми продолженіями, уже имѣется девять сводныхъ продолженій **), нѣкоторые уставы и части Свода получили или свое коренное измѣненіе или же новое изданіе нѣкоторыхъ томовъ Свода, а въ 1887 г. новое изданіе 1 ч. X т.

Во всѣхъ изданіяхъ Свода при статьяхъ есть *примѣчанія*. Первоначально они не заключали въ себѣ законоположеній, но впослѣдствіи они начали совмѣщать въ себѣ дополненія и измѣненія статей, такъ что въ Сводѣ 1857 года многія примѣчанія заключаютъ въ себѣ законоположенія и по редакціи своей отличаются различнымъ характеромъ. Мысль Сперанскаго—чтобы дополненія и за-

---

*) «О силѣ и дѣйствіи Свода».—Архивъ Калачова, кн. IV стр. 5—6.

*) Продолженія Свода были въ 1863, 1864, 1868, 1869, 1871, 1876, 1879, 1886 и 1887 годахъ.

конъ сливались съ первоначальнымъ закономъ и вообще служили къ его объединенію, какъ показываетъ опытъ, также не получила мѣста, а между тѣмъ вслѣдствіе принятой системы изданія дополненій и измѣненій закона вышла еще большая путаница, еще больше явилось непонятнаго, гдѣ законъ, гдѣ его дополненіе или измѣненіе. На Съѣздѣ Юристовъ въ Москвѣ въ 1875 году г. *Зарудный*, знатокъ нашего гражданскаго права, предлагалъ объ изданіи X т. Свода законовъ, дополненнаго въ самомъ текстѣ статей всѣми узаконеніями, вошедшими въ продолженіи законовъ*).

Предложеніе это всѣ сочли полезнымъ, но было указано, что эта работа весьма трудная даже для законодательныхъ учрежденій; но желательно, чтобы эта работа имѣла оффиціальный характеръ, потому что она, какъ произведеніе частнаго человѣка, не можетъ играть особой роли**). Въ послѣднихъ изданіяхъ Свода, напр. въ Уложеніи о Наказаніяхъ, а равно и въ 1 ч. X т., наше II Отдѣленіе путемъ изданія новаго Свода начало совершенно новое дѣло. Оно просто начало уничтожать или измѣнять или вполнѣ отмѣнять многія статьи закона. Такая работа не есть лишь простая кодификація, это уже законодательная дѣятельность. Въ свое время въ нашей литературѣ возникла весьма горячая полемика въ отношеніе того, какъ нужно смотрѣть на подобный образъ дѣйствія кодификаціонныхъ работъ, и единогласно пришли къ убѣжденію, что отмѣнять, измѣнять, дополнять законы не есть дѣло кодификаціонное, а законодательное***). Послѣднее изданіе 1 ч. X т., вышед-

---

*) «Первый Съѣздъ Русскихъ Юристовъ въ Москвѣ въ 1875 г.»—Москва 1882 г. стр. 49 и 52.

**) Эти указанія были сдѣланы мною.

***) См. статью *Спасовича* «Объ особенностяхъ новаго изданія Свода законовъ 1876 г.». Журн. Гр. и Угол. Пр. 1879 г. кн. I стр. 145 — 158; *М. В. Шимановскаго* «О мѣстныхъ законахъ Бессарабіи» стр. 24—29; Кас. рѣш. 1880 г. № 252, 1882 г. № 128.

шее въ 1887 г. новымъ изданіемъ, представляетъ также не мало такихъ именно кодификаціонныхъ измѣненій и дополненій статей закона *).

Въ настоящее время тѣмъ не менѣе во всей силѣ дѣйствуетъ у насъ Сводъ 1857 г., нѣкоторыя части котораго во многомъ получили видоизмѣненіе и новыя изданія. Но при всемъ томъ законодательство до послѣдняго времени стремилось *втянуть* новыя измѣненія въ систему Свода. Опытъ же показалъ, что при безпрерывномъ движеніи законодательства, въ послѣднее время особенно богатомъ реформами, осуществленіе этой идеальной цѣли становилось все труднѣе и труднѣе. И въ самомъ дѣлѣ, хотя Положеніе о крестьянахъ и помѣщено по продолженію 1863 г. къ IX т. св. зак., но легко замѣтить, что оно заключаетъ въ себѣ постановленія, не относящіяся къ законамъ *о состояніяхъ*, какъ напр. постановленія о выкупѣ земли, объ организаціи крестьянскаго управленія и т. п. Всѣ эти положенія, вмѣстѣ взятыя, составляютъ одно цѣлое, которое въ данную минуту еще трудно размѣстить по соотвѣтствующимъ частямъ Свода. Еще большую обособленность представляютъ Судебные Уставы 20 Ноября 1864 г. Когда въ изданіи свода 1876 года Судебные Уставы были размѣщены по соотвѣтствующимъ частямъ Свода, то вышла путаница, и вотъ Государь Императоръ, желая ознаменовать великія заслуги Царя-Освободителя, повелѣлъ издать Уставы отдѣльнымъ законодательнымъ памятникомъ, назвавъ ихъ Уставы Императора Акександра II, и такимъ образомъ выдѣлилъ судебное вѣдомство въ отдѣльное самостоятельное цѣлое.

Чтобы объяснить, какъ условія жизни измѣнились со

---

*) См. статью *Вербловскаго*. «Новое изданіе Гражданскихъ Законовъ и положенія о нотаріальной части». Журн. Гражд. Угол. Пр. Январь 1889 г., стр. 1—18.

времени изданія Свода и какъ они вліяли на него, приведу здѣсь слова Государственнаго Совѣта по поводу судебной реформы. «Дѣйствующія нынѣ узаконенія о гражданскомъ судопроизводствѣ не могутъ удовлетворять условіямъ той жизни, къ которой вызвана нынѣ Россія, какъ совершившимися уже, такъ и вновь предпринятыми постепенно реформами. Не говоря о возбужденныхъ разнаго рода вопросахъ, тѣсно связанныхъ съ необходимостію новаго судебнаго порядка, одно уничтоженіе крѣпостнаго состоянія провело столь рѣзкую черту между прежнимъ и новымъ порядкомъ вещей, что нѣкоторыя, относящіяся къ гражданскому судопроизводству, начала, болѣе или менѣе соотвѣтствующія прежнему гражданскому быту значительной части населенія нашего обширнаго отечества, а до извѣстной степени *даже и небходимыя* въ прежнее время, теперь обратились въ *недостатки*, безъ искорененія коихъ невозможно достигнуть дѣйствительнаго улучшенія въ гражданскомъ процессѣ*)». Эти слова нашего высшаго государственнаго учрежденія, высказанныя по поводу одной изъ самыхъ близкихъ для насъ юристовъ реформъ, поучаютъ насъ, какъ нужно смотрѣть на прошедшее, а именно: что оно было результатомъ строя той жизни, а съ другой стороны, что измѣненіе и отмѣна закона обусловливаются ростомъ нашего народа. Слова эти я нахожу весьма поучительными, которыя всегда нужно имѣть въ виду, при оцѣнкѣ фактовъ, совершавшихся въ прежнее время.

Если мы посмотримъ на Сводъ Законовъ 1857 г., то въ данный моментъ онъ можетъ съ удобствомъ быть сравниваемъ съ подобной картиной. Вѣроятно Вамъ, Мм. Гг., многимъ здѣсь присутствующимъ, не разъ приходилось подъѣзжать къ богатой старой усадьбѣ помѣщика стараго уже

*) Журн. Соедин. Департам. Законовъ Гражданскихъ Дѣлъ, стр. 13.

отжившаго времени. Эта усадьба издали представляетъ грандіозное зданіе, на сооруженіе котораго потрачено было много труда, знанія, искуства и матеріала. Оно поражаетъ васъ своими грандіозными формами и симметричностью частей. Но, по мѣрѣ приближенія къ этой усадьбѣ, Вы видите, что то, что казалось издали красивымъ, уже обветшало. Многія части зданія уже необитаемы, во многихъ мѣстахъ зданія уже нѣтъ половъ, потолки провалились, зданіе давно уже не ремонтируется. Стараго помѣщика уже нѣтъ. Но за то вдали Вы видите маленькое чистенькое зданіе — это сельская школа, а еще далѣе — это земская больница, а тамъ далѣе ютится камера мироваго судьи, т. е. Вы видите постройки современнаго склада вещей русской жизни. Таковъ нынѣ и нашъ Сводъ. Постройки его реформами прошлаго царствованія разсшатались. Многое изъ него уже выдѣлилось окончательно, чтобы жить отдѣльно. На очереди уже стоятъ великія реформы—Уголовнаго и Гражданскаго Уложенія. Двѣ Коммисіи, состоящія изъ лучшихъ юридическихъ силъ нашего отечества, работаютъ надъ этимъ дѣломъ. Мы стоимъ теперь опять передъ частью тѣхъ задачъ, которыя занимали Сперанскаго, но которыя были прерваны его смертью. Если имя графа Сперанскаго должно вспоминаться само собою при каждомъ обращеніи къ этимъ вѣчнымъ задачамъ государства, если память о немъ неизмѣнно живетъ въ его дѣлахъ, то, чествуя сегодня великаго нашего юриста, творца Свода, естественно, само собою, пожелать, чтобы мы скорѣе увидѣли Уложенія Уголовное и Гражданское, основанныя на началахъ науки, опыта, нравовъ и обычаевъ нашего народа, чтобы воля нашего Монарха—дать законъ, соотвѣтствующій условіямъ нашей жизни, скорѣе осуществилась. Я глубоко убѣжденъ, что лучшаго пожеланія не можетъ и быть въ настоящій день, когда мы вспоминаемъ Михаила Михайловича, такъ какъ этимъ мы лишь желаемъ осуществленія того, что

такъ искренно онъ лелѣялъ и чему посвятилъ лучшіе свои годы, а главное еще и потому, что въ основѣ, въ фундаментѣ этихъ будущихъ законодательныхъ твореній все таки будутъ положены труды графа Сперанскаго, они будутъ исходною ихъ точкою. Одесское Юридическое Общество, чествуя сегодня память графа Сперанскаго съ увѣренностью и сознательно можетъ поднять высоко кличъ въ честь нашего знаменитаго юриста и тѣмъ самымъ воздать должное русскому человѣку за дѣло чисто національное и народное! Дѣлая это, Одесское Юридическое Общество исполняетъ лишь свой нравственный долгъ благодарности тому, кто первый пробудилъ мышленіе русскаго юриста и указалъ, какъ нужно работать на пользу общую и нашего дорогаго отечества!..

H5